

С. Блэкберн

ENQUIVERING

Рецензия на книгу *Вклад в философию* – *Beitrage zur Philosophie (vom Ereignis)* (From Enowning, by Heidegger, Indiana University Prerss) (www.tnr.com/103000/blackburn103000.html)

Это чрезвычайно остроумная и интересная статья видного английского аналитического философа весьма трудна для перевода, что вполне понятно. Перевод с немецкого сочинений М. Хайдеггера представляется делом труднейшим, особенно в свете его собственного высказывания, что подходящими для философии языками являются лишь немецкий и древнегреческий. Но перевод на русский английского текста, который в свою очередь является переводом с немецкого, ставит переводчика перед неразрешимыми проблемами. Поэтому следует достаточно спокойно относиться к тому, как немецкие термины передаются русскими терминами, принимая во внимание попытку перевода немецких терминов в английские термины, не пытаясь при этом прибегнуть к стандартным русским переводам Хайдеггера.

Если вы приверженец Хайдеггера, тогда для вас он современный мыслитель, не имеющий себе равных, глубочайший диагноз которым современного состояния человечества в XX в. направил на путь истинный большую часть культуры, и в значительной степени и все гуманитарные исследования. Если вы не являетесь поклонником Хайдеггера, тогда для вас он просто пустозвон, влияние которого оказалось полностью разрушительным, и чья близость с нацизмом есть просто свидетельство вакуума, который в случае большинства других философов был бы заполнен комбинацией здравого смысла и простого приличия.

Ни один из этих подходов к оценке Хайдеггера не склонен к компромиссу. Но такая ситуация была не всегда. В начале своей карьеры Хайдеггер работал над темами, взятыми из посткантiansкой философии, такими как соотношение психологии и логики, темами, которые весьма характерны для всех европейских философов и владеют нашими умами и до сих пор. Вскоре после публикации *Бытия и времени* в 1927 году, уравновешенный (и позднее прожженный) оксфордский философ Гильберт Райл написал длинный, пронизательный и умеренно похвальный обзор этого труда в философском журнале *Mind*. Райл подчеркнул влияние Гуссерля и Brentano в этой работе Хайдеггера; Гуссерль развил технику «феноменологического анализа» для решения традиционных проблем соотношения ума и тела, знания и восприятия, сконцентрировавшись на ментальных состояниях и их объектах. Так как всякое человеческое знание включает некоторое ментальное состояние, такой подход мог бы иметь огромную философскую важность. Важнейшим вопросом для Гуссерля был в первую очередь вопрос о правильном методе изоляции того, что существенно для ума.

Потому что при таком подходе есть опасность для философии – а именно, сведения всего мира к миру сознания, опасность идеализма. Ранний Хайдеггер пытался преодолеть остаточные следы идеализма в работе Гуссерля путем отрицания разрыва между сознанием и его объектами. Это вполне ортодоксальный и уважаемый философский проект, хотя успех его в преодолении идеализма зависит от того, как осуществлен проект. Подход Хайдеггера был весьма оригинальным, так как искоренение соответствующих различий, с его точки зрения, означало отказ почти от всего словаря, который мог бы быть ис-

пользован для разговора о мире или уме. Это означало возвращение к первозаданным источникам Смысла и Бытия, не обремененным терминологией философии, науки, или повседневной жизни, то есть, означало совсем новое предприятие. С точки зрения Хайдеггера, мы больше не должны думать в терминах Я как обладателя опыта, который отделяет и делает независимыми вещи, разбросанными в пространстве и времени. Мы должны восстановить утерянное первозаданное единство, в котором не существует таких разделений.

С точки зрения Хайдеггера нормальное сознание выражает унаследованный словарь здравого смысла, который рассматривает вещи только «украдкой», как выразился по этому поводу Райл. Первозаданное сознание, с другой стороны, есть осознание мира, в котором мы живем как субъекты (агенты действия). Это осознание того, о чем мы мыслим. Таким образом, наше первичное осознание объектов есть осознание вещей «под рукой» (*zuhanden*), готовых к использованию. В такого рода проживании, «научное» разделение ума и тела, мира и Я, исчезает самым радикальным образом. В *Бытии и времени* не совсем ясно, как это получается: как заметил Райл, результат немного пахнет прагматизмом Уильяма Джеймса и мистицизмом Майстера Экхарта.

В 20-х годах феноменология не была отделена от другой философии, как континентальной, так англо-американской. Бертран Рассел тщательно изучал Гуссерля. Феноменологическая техника требовала серьезной концентрации на природе переживания опыта, которая всегда была целью философии. Но то же может быть сказано о литературе и поэзии, и не случайно, что самые лучшие отпрыски метода – это литературные работы Сартра и Камю, а не философские работы, скажем, Мерло-Понти. И, тем не менее, Хайдеггер пошел совершенно в другом направлении. Райл заметил тревожащую тенденцию непостижимости текста даже в ранних работах Хайдеггера, и эта самая тенденция стала процветающей. Он отошел от связи с феноменологией, отвергнув Гуссерля, и выступил ни как философ или поэт, но как оракул.

Вклад в философию (*из Epowning*) есть перевод, часто весьма далекий от перевода на английский, философских заметок, которые Хайдеггер написал в 20-е годы, перевод чего-то, весьма далекого от немецкого языка. Дистанция от английского явно больше, чем дистанция от немецкого, и не только потому, что английский больше сопротивляется немецким философским красотам, но также и по-

тому, что к несчастью переводчики радостно топчутся на этом обстоятельстве. Уже название иллюстрирует эту проблему. Немецкий термин «*von Ereignis*» (о событии) нужно было бы перевести как «от случившегося» или как «по случаю». Термин *Ereignis* сам по себе не имеет никаких коннотаций с термином «входить в обладание», которое, по предположению, должно было бы быть термином «обладанное» (*enown*), которое должно бы быть английским словом, каковым оно не является.

Быть может, есть какой-то смысл во введении идеи обладания? Нет, потому что нам говорят, что нужно освободить слово «собственный» (*own*) от любой коннотации с «обладанием» (*possession*), что не так-то легко сделать. И если волна, поднятая этими усилиями, поднимается достаточно высоко, она грозит поглотить нас, когда мы обнаруживаем, что почти любой английский глагол будет принимать приставку «*en*»: по всему тексту некоторые вещи «охватываются мыслью» (*en-thought*), в то время как другие вещи «охватываются трепетом» (*en-quiver*), некоторые вещи «охватываются мановением руки» (*en-beckon*), некоторые вещи «охватываются страданием» (*en-suffer*), некоторые вещи «вверены» (*en-cleave*). То, что кажется случайным соединением через дефис, далее нарушает совместность (*dislocate* или лучше *dis-locate*) смысла нахождения дома, или бытия-в-доме, со словами на странице. Иногда это вырождается в ненамеренную комедию: Хайдеггер любит говорить, что вещи, с которыми мы ничего не можем сделать, брошены к нам, и на некоторых страницах это приводит к разговору о «свободном забросе» (*free-throwing*), что приводит к странному впечатлению, что предметом этой метафизики является баскетбол.

Переводчики пытаются оправдаться: «Так как никто не имеет понятия, как мог бы выглядеть *Вклад*, имей возможность Хайдеггер сгладить синтаксис, ни у кого нет никакой идеи, можно ли его «упрекнуть» за настоящую форму этой работы». И они дополняют это мнением другого поклонника Хайдеггера, «что дело вовсе не в том, чтобы упрекать Хайдеггера или требовать от него посмертно другого поведения. Скорее это вопрос касается нас, кто пришел после него и подвергаются испытанию, потому что именно мы имеем доступ к записным книжкам и ко всем его другим работам». Таким образом, мы тут имеем вопрос веры. Я в частности предпочитаю термин «упрек», чей слабый моральный тон едва ли адекватен для описания более здоровой реакции неверующих.

Потому что книга эта просто озадачивает, независимо от того, какие взгляды вы имеете по поводу Хайдеггера. Откройте страницу, и вы наткнетесь на нечто вроде такого:

Время-пространство есть обладание вверенностью поворота траекторий обладания (особления), поворота между принадлежностью и зовом, между оставлением бытием и охватыванием трепетом резонанса с самим Бытием!¹.

По крайней мере, один термин определен для нас – это «вверенность» (*cleavadge*):

Вверенность есть внутренняя, невычислимая установленность особления (*enownment*); существенное влияние бытия (*be-ing*) как средоточие, которое употребляется и которое дарует принадлежность – средоточие, позволяющее соотносить поступь Бога и историю человека.

Как мы видели, «*en-ownment*» – охваченность обладанием (особление) могло бы привести к некоторым трудностям, но и здесь у нас есть помощь (*zuhanden*):

Обладание обладаемым (обособливание особления) (*enowning of enownment*) вбирает в себя решение (решимость) (*de-cision*) – *Ent-scheidung*: это свобода, как основание, что приземляет (которое удерживает при безосновном) (*holds to abground*), позволяет возникать разладу, из которого, как из избытка влаги в земле, получается разделение людей и божеств.

Каковы бы ни были достоинства феноменологии, к тому времени, о котором идет речь, они давно испарились. Вместо проблем логики и психологии, или тщательного внимания к проблемам природы опыта сознания, у нас остался лишь туманный смысл подъема до бога и историей отзычивости Бытия, окутывающими нас. Не нужно быть сухим эмпиристом или позитивистом без всякого воображения для того, чтобы осознать, что в таких предложениях ничего не может быть сказано такого, что может быть верифицировано или фальсифицировано, или оценено как правдоподобное или нет. И, тем не менее, это отсутствие содержания может вообще не считаться недостатком, так как Хайдеггер говорит нам на этот счет вот что: «Самоубийством философии явится ее постижимость».

¹ В английском оригинале: Time-space is the enowned enclavement of the turning trajectories of enowning, of turning between belonging and the call, between abandonment by being and enbeckoning (the enquivering of the resonance of be-ing itself).

Подлинная цель сочинений, тогда, состоит в другом. Она становится явной, когда мы замечаем постоянные повторы: «Как разлад может ощущаться как разлад?». «Особление всегда означает обособление о-собления». «Основа, которая есть безосновность (*ab-ground*), есть основа лишённого Бога основания». «Бы-тие такой существенной власти есть само уникальное в этой существенной власти». Истина есть то, что даже уважаемый биограф Хайдеггера Рудигер Шафранский, называет серией мантр. Работа есть литания или розарий, или орган. Адорно выдвигает обвинение в своей работе *Жаргон Подлинности*, что суть состоит в том, что «голос идет из глубин, которые были бы профанированы, если бы при этом было содержание». Взамен мы имеем попытку создать ауру или стиль прощания. Мы имеем нечто, что воспаряет к религиозной работе. «Бы-тие», должны мы понять, «есть трепет Божества». О, Ханжество!

II

Для того чтобы понять, что происходит с Хайдеггером, нужно знать некую историю. Вероятно, это уникальная история, изначальная история. Она говорит о первобытном золотом веке, когда человек не был отделен от себя самого, от своих сотоварищей, и от природы (дом, очаг, земля, отечество, рай, убежище, невинность, целостность и единство). Затем последовало падение, когда первобытная невинность и единство были замещены худшим (разделение, диссонанс, разрыв, раздор, отчуждение, неаутентичность, тревога, страдание, смерть, отчаяние, ничто). Для исправления этой ситуации требуется целый путь (паломничество, стоянки, путь или *Weg, Bildung*, действие, воля, судьба). Путь нуждается в вожде (проводнике-предводителе), а вождь – это философ из платоновского мифа, предводитель, первым выходящий из тени пещеры на солнечный свет (пророк, прорицатель, поэт, герой). Налицо кризис, и затем возвращение первобытного единства (неожиданная встреча, прозрение, аутентичность, преодоление, апокалипсис, завершение пути, женитьба, ликование). История эта может закончиться возвращением к началу, или же путь может продолжиться вверх по спирали, а его путешественники закалятся в ходе трудностей путешествия.

В этом повествовании мир и сама жизнь нуждаются в интерпретации, потому что они разворачивают историческую запись, сочине-

ние мирового духа (поток, послание, герменевтика). И вся драма рассматривается не как жизнь индивида, но как универсальная история, или, по крайней мере, как история расы. Это повествование есть история Прометея, или Гипериона, или же Чуда, или Пилигрима, или же Художника. Это также история эволюции Человека, или *Dasein*'а, или же *Geister*'а.

Это, конечно, только набросок истории; или же, сменив метафору, можно сказать, что это музыка, которая нуждается в различные времена в различной оркестровке. Ей может быть придано конвенциональное религиозное звучание, или чисто субъективная интонация, как это имеет место с внутренним светом протестантского мистицизма, или же со стилем Шелли или Блейка. Это может быть принятие националистической или же личностной установки. Падение может наступить с обретением знания, которое включает именование и отделение, а также введение различий. Оно может прийти так, как это случилось в древнем Израиле, через грехопадение, или же нарушение Завета, а некоторые могут полагать, что это связано с изобретением капитализма. Герой, несущий свет, может быть Августином, или Рембо, святым или декадентом.

Эта музыка звучала целый век еще до Хайдеггера, и игралась она Шеллингом и Шиллером, Новалисом и Гегелем. В Англии ее можно было слышать у Кольриджа и Романтиков; в Америке она исполнялась Эмерсоном, Уитменом, и временами в Голливуде. Даже при исполнении одним художником тема может варьироваться от возвышенного до смешного, от "*Tintern Abbey*" до того, что критики Водсворта называли сентиментальным *Lesser Celandine*. Для исполнения музыки Романтизма без фальши требуется гениальность, и вероятно, еще большая гениальность для игры ее с религиозным тремоло.

Хайдеггеру приписывалась гениальность, потому что он пользовался незаконными доходами от феноменологии секулярной версии (или, по крайней мере, не христианской и философской версии) первобытной истории. Он ценит изначальное единство, которое, подобно многим немцам, приписывает грекам, и которое он датирует (по некоторым личным причинам) досократиками. Он стенает, что падение заразило науку, философию, и повседневную жизнь. И он обещает экстатическое открытие, которое поместит вечность во время, мистический момент, в который, словами его любимого поэта Гельдерлина, «нетленное присутствует в нас».

В конце романтического богоявление (эпифания) завершено, ложные категоризации падшей природы отброшены, и пророк бессловесным предстает перед реальностями (существенными обстоятельствами) Бытия. Но, Боже мой, какие трудности встают на этом пути! Потому что Хайдеггер осознает, какой риск и опасности подстерегают попытки лицезреть Бытие. Борьба, смелые попытки, столкновения, коллизии, захват, и всегда одиночество – вот что предстоит герою, бесстрашному страннику в Тумане!

Для агностически настроенного наблюдателя, прежде всего, бросается в глаза, что осуществление феноменологического метода не приводит к выполнению своих обещаний. Просто один пример – из более раннего и менее мессианистского периода Хайдеггера – рассмотрим еще раз наше отношение к вещам, нас окружающим. Он предполагает, что изначальные ремесленники рассматривали вещи как то, что можно использовать, в то время как научная мысль трактует вещи как объекты в пространстве-времени. Нахождение-подрукой (подручность) – *to-handedness* – (концепция ремесленника) близка сознательной человеческой жизни, или *Dasein*, в то время как представленность-перед-человеком (наличность) – *present-at-handedness* – (вещь как она мыслится научно) отлична от нее. Поэтому первая, *Zuhandenseinheit*, может быть объявлена «первичной формой Бытия», в то время как вторая, поверхностная, просто научная, называется *Vorhandenseinheit*. Первая – первозданная; вторая – производна и ложна, подходящая только для грубой механики Ньютона.

Некоторые философы полагают, что все это является существенной частью прагматизма, хотя Хайдеггер ненавидел все вещи, связанные с наукой, и поэтому вряд ли был бы доволен такой интерпретацией своей точки зрения. В любом случае, важным является то, что жаргон просто скрывает шокирующее отсутствие сосредоточенности в исходной мысли. Потому разве не ясно, что ремесленник, который занимается куском дерева, не рассматривает молоток как орудие в противоположность рассмотрению его как объекту в пространстве и времени? Только по причине того, что он рассматривает его как постоянно существующий объект с определенной локализацией и формой, твердый и массивный, он полагает его вообще *zuhanden*. Вещи, которые не имеют этих желательных свойств, не могут рассматриваться как подходящее орудие для забивания гвоздей.

Этот тривиальный пример расплывчатости или пустоты уже существует даже в более ранней работе, и раздувается во *Вкладе*. Карл

Ясперс писал о Хайдеггере, что тот был «среди современников наиболее восхитительным мыслителем, уверенным, вызывающим, таинственным» – но после всего этого оставляющим вас с пустой головой. Мантры Хайдеггера не являются выражением некоторого достигнутого видения, опыта или эмоций. Они являются инструкциями, согласно которым следует работать. Это не описание паломничества, а лишь проспект, в который вы должны вписывать свои собственные детали. Оркестр только настраивается. Поэтому, в последней части *Вклада*, когда Хайдеггер представляет себя в виде пророка вне своего времени, и все же формирующего Путь, Которым Вам Следует Идти, некоторым неверующим это напоминает Блейка, или Ницше. Он звучит ужасно избито, вроде Оби-Ван Кеноби из «Звездных войн».

III

Поклонники Хайдеггера могут возразить, что Хайдеггер не оставляет нас с пустой головой, и кроме того, они отметут обвинения в непонятности текстов Хайдеггера. Шафранский говорит, что физик Карл Фридрих фон Вайцзекер рассказал как-то Хайдеггеру историю о человеке, который проводил все свое время в таверне. Когда его спросили, почему он это делает, тот ответил, что это все из-за его жены: она все время говорит, говорит и говорит. «О чем она говорит?». – «Да она говорит ни о чем». Говорят, Хайдеггер ответил на это, «так это и происходит».

Если это был момент самопознания, он не может простирается долго. На жаргоне аутентичности, ничего не сказать значит выразить Ничто, и это гораздо лучше истины. Выражение Ничто требует столкновения с самим источником заботы о себе (*Sorge*). Это означает битву с механицистским веком за то, что есть, и взгляд в лицо смерти, и трепет в резонансе с пустотой. Именно это должен делать поэт-философ-герой. Только неаутентичные обитатели тени, могут посчитать, что выражение Ничто есть разочарование. И это не может даже рассматриваться как критика, поскольку разочарование есть просто то, что должно ожидать, когда ваше свидание с Бытием еще не наступило.

Нет, знание философа-поэта-героя совсем другое: это знание никогда не может коммуницироваться, и рассеивается подобно знанию того, что сохраняется. Те, кто приносит знание другим, должны уже иметь в виду, что они такое, быть хорошо знакомым с их решениями, вступать с ними в контакт, и все же не встречаться с ними. Заметим

библейское созвучие этого описания. Обитающие среди теней, в противоположность этому волокут то, что предельно доступно снизу, в то, что понятно (нижайшее в то, что разумеемо), и таким волочением, толкают его просто в то, что терпимо и доставляет удовольствие.

Вы должны иметь сноровку священника для того, чтобы выбраться сухим из такой элитистской позиции, и Хайдеггер, без сомнения, был в этом хорош. Есть яркие свидетельства того, что Хайдеггер мог проявлять харизму, хотя через возвышенную самоуверенность и мессианское самомнение. Этот эффект был блестяще описан в статье 1938 года в журнале *Journal of Philosophy* Мэджори Гликсман, которая, присутствуя на его лекции в 1930 году, запечатлела эту процедуру. Она описывает брань по поводу предшествующих философов, и заявления самого Хайдеггера о своей уникальности и своем величии. Кроме того, она описывает аристократический иммунитет на критику снизу со стороны обитателей тени, среди которых были представители науки, истории, логики или здравого смысла:

Следует добавить, вероятно, что сила «аристократических» аргументов Хайдеггера зависела в значительной части от личности лектора. Его речь производит такое же впечатление своей медленной интенсивностью, какая свойственна политической борьбе. Презрительные эпиграммы, которыми он отмечает протесты логики или здравого смысла, жалят уши слушателей своей едкостью; и его пророческая торжественность, с которой он предпринимает поиск Бытия, скорее похожа на заклинания, как будто он делает первые шаги в ритуалах элевсинских мистерий.

Когда Хайдеггер соизволяет повернуть свою голову в сторону пещеры, результат борьбы с Бытием оказывается слегка разочаровывающим. Вот его собственная версия единства с природой из пассажа, цитируемая Адорно:

Недавно я получил второе приглашение от Берлинского университета. По этому поводу я оставил свой город и сел в поезд. Я слышал, что говорят вокруг горы, леса и поля. По пути я заскочил к своему другу, фермеру 75 лет. Он прочитал в газете о моем приглашении. Что он скажет? Он медленно перевел свой ясный взгляд на меня, его рот было твердо закрыт, положил свою верную и заботливую руку на мое плечо – и почти неощутимо покачал головой. Это означало – ни в коем случае!

Естественно, мы все должны восхищаться этим истинным представителем Народа, столь сильно напоминающим Адама Ламсбрета

в *Cold Comfort Farm*, «связанный по рукам и ногам цепью, закаленный почвой и потом»: швабский крестьянин как золотой ретривер. Но подумайте, хотя он может быть и похож на упрямую старую собаку, он все-таки читает университетские сплетни в газете. Они не делали этого вокруг *Grasmere*.

IV

Много было написано об отношении между философией Хайдеггера и его поддержкой Третьего Райха в 30-х годах. Ганс Слуга показал, что нет ничего необычного относительно политики Хайдеггера в то время. Многие философы в Германии того времени подписались под четырьмя доктринами, которые делали национал-социализм симпатичным в их глазах. Они верили, что это было время морального кризиса, что кризис был конкретно немецким, и, следовательно, должен быть разрешен в Германии, что разрешение должно направляться великим лидером, и что результатом этого должен быть порядок – новый порядок, который продлится тысячу лет.

Ни одно из этих положений не может быть названо следствиями хайдеггеровской философии, потому что там, где нет определенного смысла, нет определенных следствий. Но они смогли снабдить деталями романтические перспективы. Многие из тех слов, которые я приводил в качестве романтического словаря, естественно укладываются в этот квартал. Существует потеря единства, необходимость в искупительном путешествии, провидческом лидере, и цели расплывчатого и неопределенного открытия того, что было утеряно. Национал-социализм был одним из способов оркестровки главной мелодии.

Вклад в философию был написан между 1936 и 1938 гг., когда Хайдеггер прекратил свою активную деятельность в политике. Если в своих ранних обращениях ректора Фрайбурга он (по словам Шафранского) «устранял почти все препятствия на пути к своему дешевому романтизму для придания событиям необычной глубины», позднее тон становится другим. Философские фантазии устранены из национал-социалистической политики. Хайдеггер больше не марширует со своими одетыми в форму СС студентами из Фрайбурга в евангелические лагеря, где они могут общаться с холмами и лугами, похожими на собак крестьянами, все тем, что составляет Отечество. Вместо этого он «рассматривает себя в истории Бытия как провозвестника, который прибыл слишком рано, и подвергается опасности разрушения и опас-

ности быть отвергнутым своим временем». Национал-социализм больше не рассматривается им как способ воссоединения Германии с миром досократиков. Существует слишком много науки и техники, и слишком мало контакта с источником Бытия.

Но чудовище только лишь дремало. У Ясперса была жена-еврейка, и его отношения с Хайдеггером после войны естественно были напряженными. Удивительно, но Хайдеггер написал Ясперсу в 1952 году, что причина зла еще не ушла, и что в таком состоянии бездомности можно ожидать «пришествия», «что дальнейшие наметки мы все еще можем переживать...». Даже боготворивший его Ясперс, сам бывший адептом неопределенной религиозности, испытывает отвращение от такой грубости:

Не является ли философия, которая высказывает такие догадки и поэтизирует подобные фразы в твоём письме, той самой философией, которая возбуждает ужасные видения, и еще раз готовит почву для победы тоталитаризма, порывая с реальностью?

Он имел полное право задать такой вопрос, и он никогда не получил на него ответ.

Так почему же Хайдеггер до сих пор влиятелен, в то время как куда более читабельный Сартр таковым не является? Здесь мы должны проявить осторожность, потому что за исключением некоторых небольших кружков Хайдеггер никогда не имел влияния на англо-американскую профессиональную философию. В самом лучшем случае он упоминается как некоторого рода почетный прагматист, или почетный предтеча атак на дуализм ума и мира. В этой части академии взгляд, что понятность философии является способом ее самоубийства, не очень популярен. Его влияние главным образом чувствуется в более ослабленных областях гуманитарных наук. Его наследство весьма хорошо представлено на сайте www.elsewhere.org/cgi-bin/postmodern. Здесь вы можете прочитать оригинальные очерки, каждый визит, написанный Постмодернистским Генератором, программой, написанной студентом компьютерного департамента университета Монаш, и «слегка модифицированной Папой Сомнительного Происхождения XI, использующим Дада Машину, систему порождения случайного текста из рекурсивной грамматики». Дада Машина не слишком откалибрована под Хайдеггера 30-х годов – ее лексикон является, например, английским – но можно почувствовать, насколько легко это можно сделать.

И все же остается вопрос о том, как это случилось и продолжает происходить. Вероятно, первозданная история была столь сильной, что просто использование одного из слов в этой истории обращает их в золото. Когда современный мир выглядит плохо, мы слышим утерянную музыку, почти траурные звуки. При самых слабых звуках мелодии люди бросают свои повседневные способы бытия, и бросаются в колдовской танец. Это волшебство, как я предполагал, мы можем приписать почти каждому. Хайдеггер может быть иконой для наци, священника, охранника окружающей среды, или же хиппи. Он может быть защитником веры, поэтом-философом Общества Иисуса, или же противником современной механистической жизни, аутентично модернизированной со времен Карлейля и Рескина. Он может быть прагматистом, или же злейшим врагом технологии. Все, что для этого требуется, это принять проспекты, и наполнять их собственными фантазиями. Вы не должны бояться утонуть (ощущая все это как океан чувств), и вы будете должны отказаться от какого-либо следа здравого смысла, науки, логики, истории или разума, – но это легкое бремя, которое нужно нести в трудные времена. В любом случае, подобно хорошему Члену Армии Спасения, мастер уже инструктировал вас, что делать, как предписанием, так и примером.

Аналитическая философия иногда противопоставляется «континентальной» философии в неблагоприятном для первой свете, поскольку она лишена политического и морального веса. Если это обвинение и было справедливо, то все это в прошлом. В самом деле, для критиков типа Ричарда Познера современная англо-американская философия виновна в том, что слишком моралистична, и безответственно пересекает границы экономики и права. Я полагаю, что аналитическая философия глубоко недоверчива к поддержке мифов, включая первозданную историю. Мы не доверяем мелодиям Пана, потому что нам дорога истина. И понятность есть условие истины. Если вы не можете сказать, говорит ли что-либо цепочка слов, вы не можете сказать, говорит ли она что-либо истинное.

Это не мелкий или поверхностный вопрос. Любовь к истине поверх тумана – это такая позиция, которая должна приниматься всеми теми, кто заслуживает звания философа, хотя это делает его странной фигурой для политиков как правого, так и левого толка, позиции, которая может процветать только в тумане. К счастью, даже в трудные времена Хайдеггера были такие люди, которые ви-

дели это. Мы можем вспомнить слова итальянского философа Бенедетто Кроче:

Я сейчас, наконец, дочитал обращение Хайдеггера, которое в одно и то же время глупо и раболепно. Я не удивлюсь, если его философствование будет иметь некоторое время успех – неясное и общее всегда имеет успех. Но оно ничего не дает. Я тоже верю, что он не будет воздействовать на политику, но он позорит философию, и это печально и для политики, особенно для будущей политики.